

Теперь, прежде чем перейти к сельскому хозяйству, рассмотрим ряд мероприятий общего характера, внесенных в пятилетний план. Одним из интересных вопросов здесь является жилищное строительство. Недостаток квартир, жилищ, домов чрезвычайно остро чувствуется сейчас в наших Землях, в связи с приливом населения и ростом городов. В то время, как по санитарной норме на одного человека полагается 9 кв. метров, у нас она составляла в 1927-28 г. лишь 5,52 м., в крупных же городах — еще меньше. План предполагает поднять среднюю жилую площадь до 6,4 кв. м. (скромно!) путем постройки 3403 кв. м. новых жилищ. Основным источником строительства должны явиться государственные средства в размере 303 м. р. Рядом делается расчет на привлечение частных средств в размере 82 м. р.; частное строительство „должно однако вестись под строгим наблюдением и контролем государства“.

Такие же крупные средства план отпускает на коммунальное строительство, — 120 м. р., и том числе на сооружение Кавказского водопровода. Главные затраты здесь должны пойти на строительство водопроводное — 25,7 м. р.; водопроводная сеть должна по плану возрасти с 892 км. на 1520 км. путем постройки водопроводов в Ейске, Темрюке, Анапе, Сочи, Геленджике, Майкопе, Миллерове, Сальске, Нальчике, Шахтах и др. „При постройке водопроводов основной установкой плана является улучшение обслуживания рабочих окраин“ (характерная мысль!). 14,4 м. р. отпускается на канализацию в Екатеринодаре, Новороссийске, Армавире, Новочеркасске, Таганроге, Туапсе и др. городах.

Не забывается о „рабочих окраинах“ и в вопросе расширения трамвайного сообщения, на которое по плану ассигнуется 13,1 м. р. Новые линии строятся в Грозном и в Новороссийске.

Не забывает пятилетка и о строительстве бань и прачешных (!), правда с оговоркой, что „проблема обобществления домашних работ полностью в течение ближайшего пятилетия еще не разрешается“ (понимай: „мыться не возбраняется“, потом и это запретят).

Не менее грандиозны задания у нас пятилетки и в области культурно-социального строительства: „пятилетний план в связи с задачами социалистического строительства должен учесть необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развитие национальных культур народностей СССР и уязвить план культурного строительства с индустриализацией страны, как неотъемлемую часть общего плана социалистического строительства СССР.“

Первой задачей здесь пятилетки у нас является ликвидация неграмотности: 35 неграмотных на 100, которые большевики насчитывали в 1927-28 г. в Северо-Кавказском Крае, должно быть сведено, по крайней

мере применительно к населению от 16 до 34 лет, к нулю; среди сельского населения эта работа должна быть выполнена в течение 2 лет; горских народов ликвидация неграмотности не касается. Интересна очередность, в которой предполагается ликвидация этой неграмотности: в первую голову идут „цветы революции“ — „ударные“ группы населения, к которым отнесены „сельсоветский актив, женделгатки, члены колхозов“ и допризывники. В школах повышенного типа все преподавание приобретает по плану профессиональный уклон, в сельских школах — с.-хозяйственный, в городах — индустриально-технический. Обязательное обучение должно быть введено в городах уже в этом году.

План кинофракции предполагает дать на каждый населенный пункт от 3 тыс. чел. один кинематографический аппарат, поселения же от 50 дворов должны обслуживаться кино-передвижками; в первую очередь здесь опять таки должны быть обслуживаемы „рабочие окраины“. Всего количество кино-установок должно вырасти за 5 лет с 136 до 303, также должно увеличиться по плану и количество радио-установок, достигнув к концу пятилетия 3873 штук, или 41 на 10 тыс. населения.

Сеть сельских библиотек расширяется на 80%, а изб.-читален на 32,5%, (должно быть построено 117 новых).

В своей трогательной любви к населению авторы пятилетки не забыли и о его здоровье. Численность лечебных коев за пятилетие должна вырасти на 63,7%, % обеспеченности села районными больницами должен быть доведен до 100%, число врачебных участков возрастает в селах с 448 на 611 и т. д.

Большое внимание уделяет план развитию курортов. Северный Кавказ должен стать одной из основных здравниц всего СССР. На курортное строительство отпускается 20 м. р.

Общий бюджет здравоохранения должен к концу пятилетия повыситься до 78,5 м. (в 1927-28 г. — 30,8 м. р.), или на душу населения с 3 р. 54 к. на 7 р. 70 коп. На строительство больниц, санаторий и т. д. по плану отпускается 60 м. р.

Общая ассигновка плана на социальнокультурное строительство выражается суммой в 818 милл. руб. Все это цифры огромные, так же могущие кружить головы неразбирающимся в них людям, как вкруживали головы в годы гражданской войны коммунистические агитаторы: — „если разделить между всеми поровну богатства князей, да помещиков, так все будем богаты“.

Во всем предвидит, планирует пятилетка „бурный рост“, и только расходы на административно-судебный аппарат должны в наших Землях снизиться по плану с 16%, общей суммы расходов на 9,7%, — благословенная страна!

(Продолжение следует).

Др. Эренджен Хара-Даван.

Тупики и исходы русской революции.*)

I.

Прежде чем приступить к изложению исходов революции, постараюсь кратко обрисовать те ее тупики, из которых не выходили с начала революции ее две крайности — реставраторы и коммунисты, чтобы тем яснее и резче были видны и логически понятны новые

*) От редакции. Помещаемая здесь статья д-ра Э. Хара-Давана носит некоторый отпечаток евразийского учения, которому, сколь нам известно, автор уделяет много внимания. Некоторые встречающиеся в статье утверждения являются индивидуальными мыслями автора, согласиться с которыми мы не можем целиком или отчасти. Несмотря на это, мы с удовольствием помещаем эту статью, т. к. она дает пример и довольно своеобразных исходных точек и новых путей в подходе к утверждению конечной программы нашего журнала.

пути, намеченные бывшей Россией закономерностью исторического развития народов.

А. Тупик „красный“.

Мы видим, как маятник революции из крайне правого политического положения — самодержавия, этого наследия монгольского ханата XIII в., откатнулся до большевиизма, этого духовного детища XIX в. европейской культуры.

Амплитуда колебания маятника революции в ее крайних точках pristine громадна и теперь он, упершись в них, после двенадцатилетнего „русского опыта“, стремится остановиться где то между ними, на путях освобождения угнетенных народов и их национального возрождения.

Идейный взлет революции с ее „немедленным социализмом“ в мировом масштабе, сопровождается падением ее в пучину бездны „чекистского подвала“.

Гроза революции обнажает, выводит наружу подлинный „цвет и аромат“ души русского народа во всем блеске ее силы и во всей тусклости ее слабостей, во всем благоухании лучших черт народного характера и во всем смердящем дуновении диких страстей и пороков.

Революцию 1917 г. пыталась возглавить за время „от февраля до октября“ российская демократия, но она оказалась не имеющей корней в народе (оторванность от него российской интеллигенции была, впрочем, известна и до революции). Вместе действий, она говорила. Вся Россия за то время была как бы загнинотизирована болтавшимися над Россией „большим красным языком“ Керенского, пока из этого оцепенения не вывел страну матрос-коммунист Железняк, грубым окриком разогнавший мертворожденное Учредительное Собрание, считавшееся основным завоеванием революции (без протеста с ее стороны).

Все думали и верили, что революции идет буржуазная, а одна небольшая, но сплоченная группа энергично и самоуверенно заявила: „нет, — она социальная!“ и вырвала руль власти из слабых неуверенных рук российской демократии. С тех пор интеллигенция, это единое наследие периода европеизации России, растерянная, мудрствующая, многоголовая, бессильной щепкой понеслась по воле воли. Она сумела подготовить революцию, работая нелегально и „подпольно“, но работать — явно, „при свете солнца“ и вести за собой революцию не ей было суждено.

Пока русская демократия обнаруживала полную свою неспособность к действию и занималась „уговариваньем“, российские Павли и Иваны, „себе на уме“, слушали ораторов и усиленно сорили землю российскую семячками. Их желание угадал один вождь революции, выкинув знамя с лозунгами: „выткни штык в землю“ и „грабь награбленное“. Ленин сыграл на утомлении войной и на максимализме русской природы, искони склонной к бунтарству (проявленному и до того и разные периоды истории: смутное время, Пугачевщина и т. д.).

Большевики имели, кроме дерааний, свою идеологию, хотя утопичную, но понятную массе: имели пафос идейный на своих верхах и фанатизм жерующих в лицах народных. Ни пафоса, ни идеологии, близкой душе народной, не было у их противников „белых“, которые имели все признаки упадочного периода. А новые идеи и религии пробивают косность массы, возбуждают ее и вербуют себе последователей главным образом своими фанатиками: не столько оружие, сколько фанатизм побеждает в гражданской войне. Наступившем упадочным периодом объясняется то паралитическое состояние сдававшихся красным больших центров, как Москва, Киев, Одесса, где было, как говорили очевидцы, одних офицеров больше, чем взявших город красных солдат.

Большевики, для осуществления „немедленного социализма“, воспользовались мобилизованной для обороны страны промышленностью и стали декретами вводить „военный коммунизм“.

Но путь „военного коммунизма“ быстро оказался ложным путем, пускающим весь поезд революции „под откос“. Спасает временно Ленин, выдумав полустанок „НЭП“ (новая экономическая политика), который является поворотом от коммунистического тупика назад к государственному капитализму и частной мелко-буржуазной стихии. На этом полустанке большевики должны были дожидаться „мировой революции“, но она, после двенадцати лет, теперь дальше, чем была в 17 г.

Это главный тупик русской революции, которая в самом начале заявила устами Ленина, что коммунизм может жить только при мировой революции и торжестве коммунизма в передовых странах Европы. После многократных неудачных попыток революции на Западе, большевики попытались зажечь мировой пожар с Востока, но потерпели окончательный крах в Китае к 10-летнему своему юбилею. „Ударность“ их верхов принадлежит прошлому: „Укатали синю крутые горки“.

Ставку на-банк был у них октябрь, приведший к Брест-Литовску, аннулированному Версалем. Второй ставкой на-банк был военный коммунизм, приведший к „напу“. Третьей ставкой была попытка пробиться сквозь

Польшу к жаждущей реванша Германии, чтобы вместе зажечь мировой пожар революции, — она довела до Риги.

Ночь революции прошла. „Свет исходит с востока“, багряной зарей новой эпохи освобождения возродившихся народов с их самобытной культурой, которая на хорошо удобренной и глубоко перепаханной революцией родной почве даст пышный расцвет.

Этих тупиков русского максимализма слева вполне достаточно, чтобы поставить прогноз его будущего: прогноз ликвидации.

Б. Тупик „белый“.

Не меньше таких тупиков имеют и максималисты справа, — реставраторы. Начнем с указания на то, что все, вплоть до некоторых великих князей, великую „бескровную“ революцию встречали с радостью. К удивлению революционеров, революция не встретила никакого физического отпора даже со стороны старого правящего класса: бюрократии, дворянства и буржуазии, т. к. он сгинул раньше, еще до революции, и теперь наступил период упадка его.

Пора признаться откровенно, что ядро, центр России, Великороссия, сознательно или бессознательно, но добровольно приняла советскую власть; с первых же шагов, с большей частью офицерства и интеллигенции, способствовала ее установлению и укреплению.

Сопротивление и отчаянную борьбу встретила советская власть только на периферии, на окраинах государства.

На юге борьбу вели казаки, инородцы, украинцы; на западе у Юденича „инородцы“ (эстонцы) с русскими, в Сибири — чешские легионы, казаки и опять „инородцы“; русских (великороссов) было, сравнительно, мало. Большей частью движения эти возглавлялись присоединившимся к ним великорусским офицерством с высшим командованием и их старыми общественными деятелями. Этот противостественный сокв разных по содержанию, противоречивых по идее элементов, при бесталанности политического и военного руководства „белых“, — дал победу красным. Пафосу и идеологии, хотя бы утопическим красных, „белые“ не могли противопоставить ни программы, ни пафоса, кроме стыдливо скрывааемых целей реставрации имущественной и политической.

Лозунг ген. Деникина „единая, неделимая“ не встречал сочувствия у борцов с окраин, которые мечтали одни об автономии другие о федерации, а третьи о национальном самоопределении и государственной самостоятельности по программе Вильсона. Решение национальной проблемы „белыми“ таким образом оказалось неприемлемым для окраин. Против этого лозунга белых, красные выкинули — „самоопределение народов вплоть до отделения“. Хотя целиком они этому не дали, но осуществили в обрезанном виде кое где еще в процессе борьбы, а не откладывали до „Учредительного“ или „Земского Собора“, как это делали белые.

Белому движению: во главе его хотели придать характер патриотический, увукая из виду, что патриотизм не связан с формой правления или с социальным устройством страны. Патриотизм уместен только в борьбе против притязаний иностранцев: во время гражданской войны генералы Брусилов, Гурго и Клембовский у красных, ген. Деникин у белых — одинаково призывали к патриотизму.

Белое движение, начатое в августе 17 г. с большой искренностью ген. Корниловым, было задушено и самым начале не красными, а белым же Керенским, при пассивности либеральной российской буржуазии и враждебности революционной демократии. Уже тогда собственно пал пафос дальнейшего белого движения.

Русская буржуазия не проявила жертвенности в лице помещиков, банкиров и промышленников. Организованная под названием „московский центр“, она отказалась давать деньги на белую армию (прислали ген. Алексея всего 5.000 рублей, в обесцененных революцией бумажках!) в то время как московский купец Савва Морозов пожертвовал до революции огромное

свое состояние на дело помощи русским революционными организациями.

Имущие классы пытались без всяких жертв выиграть тем, за что „белые“ отлаивали свою жизнь. Отказываясь добровольно отдать часть своего достояния белым, они без сопротивления отдали все по требованию коммунистов.

Белое движение было погублено теми, кто стремился к защите своих классовых интересов под прикрытием национальных идей, а вожди белых исходили не из факта революции, а из непризнания ее, почему и оказались оторванными от народных масс и их желаний; поэтому белые, встречаемые хлебом-солью до Орла, когда уже надеялись услышать „звон московских колоколов“, повернули назад, провожаемые проклятиями и выстрелами в спину, пока не „опрокинулись в море“ у Новороссийска и в Крыму.

Белые вожди искали поддержки в среде той либерально-демократической общественности, которая заполняла ее тыл и обзоры, но она сама оказалась не имеющей органической связи с народом и потому не могла одухотворить, дать идеологию и пафос белому движению, оказавшемуся „худосочным“; вообще эта общественность сама оказалась изжитой в революции за время „от февраля по октябрь 17 г.“

В гражданской войне сила лежит не столько в боевой мощи, сколько в способности привлечь на свою сторону активные элементы населения, своей идеологией заставить красные части повернуть штыки против коммунистов; вместо же этого в период Деникина пытались левыми (ка-де) людьми проводить правые мероприятия, а в период Врангеля правыми людьми хотели вести левую политику. Не было искренности, а без нее нет пафоса борьбы, — а для победы в войне, в особенности гражданской, нужен пафос, энтузиазм массы народной; эти элементы играют большую роль, чем количество бойцов.

Остатки белых „по команде“ сели на пароходы и рассеялись в эмиграции. Терпеливо вот уже 10-й год ожидают они новую команду „слушай, поход“, которая вновь снабдит их отобранным оружием, посадит на суда и отправит в обратный путь. В ожидании этого приказа и нужно было оставаться в составе „армии“, продолжать повиноваться „вождю“ и как нибудь дожить до „возвращения“.

Пережила эмиграция серию „весенних походов“ каждый раз с большими разочарованиями, чем раньше. Пережила в „американские пароходы“ ген. Краснова, с образцами животных для разводки на „опустошенной красными родине“, — подобно Ноеву ковчегу. Пере-

жила эмиграция также ставку „на истощение и голод“, т. е. на „мертвую Россию“, признанную теперь митархастом В. Шульгиным, ездившим в Сов. Россию, чрезвычайно вредной. Также пережила ставку на диктатуру в борьбе с диктатурой.

Враждебное отношение к „приспособившимся“ культурным работникам и „спецам“ теперь сменилось благожелательным отношением, как видно из письма ген. Деникина „туда“ красному.

Дольше всего переживает эмиграция — возможность иностранной интервенции, поделившись в этом вопросе на два лагеря — за и против. У крайних правых ставка на интервенцию, а от б. Главковерха Керенского до б. главнома ген. Деникина, стоящих на линии примиренчества, ставка на эволюцию большевизма.

Когда правая эмиграция увлеклась „интервенцией“, левая начала увлекаться способами мирного возвращения на родину путем соглашения с советской властью, появились „сменовеховщина“, „пешеховщина“, „кусковщина“ с ее лозунгом: „засыпайте ров гражданской войны“ и вообще „возвращенство“, также ни к чему не приведшее.

На требование не политической части эмиграции, рядового беженства, об объединении всей политической эмиграции, была устроена попытка в виде Зарубежного съезда, но туда не пошли левые, начиная от Милоскова, а из собравшихся правых стали уходить группы одна за другой, так что вместо объединения, получилось доказательство полного разединения.

Эмиграция политическая объединиться может (и то с большим трудом) на одной только отрицательной программе: на свержении сов. власти. — для последующего же времени у каждой из разбитых революцией партий, вернее у бежавших за границу „штабов старых партий“, имеются у каждого свои рецепты для устройства России, поэтому все они готовы вступить в жестокую борьбу между собой там на родине, после освобождения ее от большевизма.

Заграничные штабы разбитых революцией российских партий, надеющиеся или на сохранение чистоты партийных ряд своих приверженцев на родине, или на старое мировоззрение оставшихся там, упускают из виду то, что великие революции бывают ознаменованы духовной встряской, не оставляющей камня на камне в прежнем мировоззрении и мироощущении как „верхов“, так и „низов“ народных. В этом смысле великие революции, как русская, сходны с эпохами зарождения новых мировых религий или учений.

(Продолжение следует).

Шамба Балинов.

Казачье сегодня.

На страницах журнала „В. К.“ уже писалось, что русские крестьяне и русские рабочие являются основой и защитой советской власти и говорилось почему.

Эти самые положения теперь полностью подтвердил „спец“, приехавший два года тому назад из СССР и выступавший на днях в Праге на публичной дискуссии по докладу о „коллективизации“. Этот „спец“ (некий Петровский) отрекомендовался, что он из Черниговской губ., до революции был очень богатым человеком, при большевиках он занимал высокий пост — старшего контролера Черноморско-Каспийского флота и по своему служебному положению вращался в различных сферах советской общественности: в центре и провинциях, и самых высших советских кругах и среди рабочих и крестьян.

И что же он говорит?

— Я уже два года вращаюсь среди эмигрантов, — говорит он, — и все время никак не могу освободиться от чувства, что я попал на луну. Эмигранты, люди чрезвычайно далекие от понимания действительной жизни СССР, не знающие ее, ведут бесконечные, нудные теоретические, чисто книжные споры...

В эмиграции все ждут какого то внутреннего вос-

стания, свержения большевиков своими внутренними русскими силами. По моему, это величайшая наивность, чтоб не сказать больше. Кто будет свержать большевиков? Рабочие? Никогда! Для того, чтобы знать такое беспорочное положение, надо только уметь слагать и вычитать. Сколько получал рабочий до революции? Гроши. Квалифицированный рабочий получал 50—60 руб. в месяц, а бюджет простого рабочего сплошь и рядом не превышал 15—20 руб. в месяц и он влачил жалкое, полуголодное существование. А теперь, помимо сносной в сравнении с другими, заработной платы, рабочие обладают всеми городскими домами и бюджет его сейчас определяется сотнями рублей.

Восстанут крестьяне? Не меньшая наивность! До революции огромный процент русского крестьянства влачил жалкое существование. Крестьяне, мои соседи по губернии, имели по 4—5 десятины земли, а десятина земли стоила максимум 3—4 рубля. Следовательно, доход таких отдельных крестьянских хозяйств не превышал 14—15 руб. А таких хозяйств было большинство.

Правда, и теперь положение крестьян незавидное, но им обещают лучшее будущее и крестьяне этому верят. Для этого создаются колхозы, которые пользуются